

Тимощук Елена Андреевна

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ИЗОМОРФНЫЕ СТРАТЕГИИ НЕКЛАССИЧЕСКОГО
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПИСАНИЯ**

Автор сопоставляет феноменологию с изоморфными стратегиями социокультурного описания (дискурсивный анализ, синергетика, инструментальный реализм) для выработки стратегического консенсуса общественных наук в области стандартов объективного гуманитарного описания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/48.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 193-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Вестник партии народной свободы. 1906. 19 марта.
2. Там же. 28 марта.
3. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 120. Оп. 2.
4. Там же. Ф. 133. Оп. 31.
5. Там же. Оп. 38.
6. Там же. Ф. 1491. Оп. 1.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ООДП. Оп. 235/1. 1906.
8. Конституционно-демократическая партия. Сведения о местных губернских и уездных группах и комитетах КДП: исправленные на 30 декабря 1905 г. // Государственная публичная историческая библиотека.
9. Костромская газета. 1906. 8 июня.
10. Костромская жизнь. 1906. 11 января.
11. Костромская речь. 1906. 23 марта.
12. Там же. 28 марта.
13. Костромской голос. 1906. 19 января.
14. Там же. 1 февраля.
15. Там же. 4 февраля.
16. Леонов М. И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара: СамГУ, 1992. 154 с.
17. Летопись 1906 г. СПб., 1907. 247 с.
18. Материалы к крестьянскому вопросу: отчёт о заседании делегатского съезда ВКС, 6-10 ноября 1905 г. М., 1905. 56 с.
19. Поволжский вестник: пробный номер. 1906. 29 марта.
20. Там же. 2 июля.
21. Там же. 13 июля.
22. Протокол делегатского совещания ВКС. 6-10 ноября 1905 г. М., 1905. 122 с.
23. Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905-1915 гг. Ярославль: Александр Рутман, 2001. 248 с.
24. Речь. 1906. 9 (22) марта.
25. Там же. 10 (23) марта.
26. Северный рабочий. 1907. 14 января.
27. Там же. 21 января. Приложение № 2.
28. Северянин. 1906. 8 марта.
29. Там же. 12 марта.
30. Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор - История, 2009. 696 с.
31. Шелохаев В. В. Кадеты - главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1983. 383 с.

PARTY-POLITICAL PREFERENCES OF KOSTROMA PROVINCE PEASANTS IN 1906**Ivan Nikolaevich Suloev***Department of Russian History**Kostroma State University named after N. A. Nekrasov**iwdoroga@mail.ru*

The author researches the evolution of the party and political preferences of Kostroma province peasants in 1906.

Key words and phrases: party-political preferences; evolution; political parties; peasants; political views; State Duma; self-determination.

УДК 100

Автор сопоставляет феноменологию с изоморфными стратегиями социокультурного описания (дискурсивный анализ, синергетика, инструментальный реализм) для выработки стратегического консенсуса общественных наук в области стандартов объективного гуманитарного описания.

Ключевые слова и фразы: феноменология культуры; дискурсивный анализ; синергетика культуры; инструментальный реализм; методологический изоморфизм; социальный конструктивизм.

Елена Андреевна Тимощук, к. филос. н.*Кафедра связей с общественностью**Владимирский филиал Нижегородского государственного лингвистического университета**e@timos.elcom.ru***ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ИЗОМОРФНЫЕ СТРАТЕГИИ
НЕКЛАССИЧЕСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПИСАНИЯ[©]**

Феноменология Э. Гуссерля оказалась увлекательным проектом для большого количества философов. Однако её основатель не смог преодолеть общие ограничения гуманитарного познания и создать

универсальный, унифицированный подход к сознанию, скорее породив обновлённые, наукообразные варианты старого идеализма (т.е. строгой, подобной математике науке о сознании не получилось). Вместе с тем строгость, к которой стремился Э. Гуссерль, выгодно отличает феноменологию от метафизики, и поэтому действительно её можно выделить как одну из самых научных гуманитарных методологий. Рядом с ней (а иногда и при её участии) формируются некоторые иные изоморфные стратегии неклассического описания. Наша задача заключается в сопоставлении феноменологии с изоморфными стратегиями социокультурного описания (дискурсивный анализ, синергетика и инструментальный реализм) для выработки стратегического консенсуса гуманитарных наук в области стандартов объективного гуманитарного описания.

Значимость обращения к идеям Гуссерля в их парадигмальном влиянии имеет не только теоретическое значение. Сегодня, как и прежде, остро стоит вопрос о научности социокультурных знаний. Если естественные фундаментальные науки и прикладные технические постоянно вынуждены подтверждать свою достоверность на практике, то гуманитарные науки никак не могут прийти к строго объективному объяснению действительности, они остаются во многом авторскими, субъективными, далекими от универсальных идеалов. При всем том, что естественно-научный идеал возможно никогда и не достигим, не следует прекращать попыток выработки наиболее строгой социогуманитарной методологии. Именно на такую методологию и претендовали гуссерлевская феноменология и ряд сходных с ней течений.

Дискурсивный анализ. В социальном контексте дискурс может пониматься как близкий термин для любой устойчивой совокупности высказываний (мнения, интерпретация, концепция, теория), за которыми стоят социальные группы [4]. Это *ценностное языковое сообщество, полевая формация*, где участники «нашупывают» адекватный язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы).

Вследствие конкуренции классов и групп образуются публично декларируемые, доминирующие властные дискурсы и скрытые, в которых можно обнаружить другое описание статус-кво. В мире вещей дискурс «склеивает» разнородные вещи в ансамбли, диспозитивы, включающие в себя социальные институты, архитектуру, законы, научные и философские положения; вместе с тем дискурс бессубъектен, здесь нет «кто против кого», он сродни коллективному бессознательному (М. Фуко). Анонимность и креативность составляют внутренний нерв дискурса, в котором сообщение - это не информация, а внутренняя необходимость по самоидентификации ценностной группы; дискурс состоит из конститутивных установок и выражает ментальность благодаря своей событийной серийности [6].

Анонимность дискурса растёт по мере типизации высказываний, удаления от ситуации «здесь и сейчас» (Т. Лукман). Высказывания, разделяемые с другими людьми, составляют интерсубъективную реальность, что объективирует дискурс для его участников. Через серийность, типизацию, анонимность дискурсивные формации институализируются, становятся социокультурной тканью, опредмечиваются. Опредемечивание (объективация) процессов мышления в продукты человеческой деятельности, которые становятся понятны как производителю, так и другим людям в качестве элементов их общего мира, является точкой пересечения марксизма и феноменологии [10, с. 83].

Э. Лакло рассматривает дискурс как политическую артикуляцию коллективной идентичности, социальный порядок, в котором нет разделения на базис и надстройку, а, скорее, присутствует нетопологическая смысловая тотальность. Каждый элемент дискурсивно-социального порядка не имеет внешних детерминаций, его место зависит от отношений в дискурсивном комплексе: реляция конституирует социокультурное бытие, которое становится подвижным, зависящим от обстоятельств [14].

Поэтому в социальном контексте дискурс изоморфен понятию *net society*, в котором информация, идеалы, ценности, знания, ресурсы распределяются между удалёнными участниками коммуникации, не образующими дискретных топосов: «дискурс - это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест», это граница контакта языка и реальности, лексики и опыта [8, с. 48, 55]. Дискурс разорван не только в пространстве: это рассредоточенная во времени смысловая конструкция.

Сетевое общество генерирует множество коллективных идентичностей, нуждающихся в поддержании, внутри- и межгрупповой артикуляции. Дискурс не существует «ради самого себя, но во всех своих употреблениях стремится перенести в язык опыт, способ обитания и бытия-в-мире, которые ему предшествуют и требуют быть высказанными» [1, с. 324].

С другой стороны, дискурс знаменует рассредоточение семантического единства, эксфолиацию бытия языков культуры (отсюда бесчисленные дискурсы власти, закона, церкви, криминологии, позитивизма, психиатрии и т.д.) [8]. Множественность дискурсов коррелирует с многоуровневостью идентичностей и социокультурных ролей. Идентичности активируются дискурсом, и, напротив, дискурсы формируют идентичности. Идеологии порождают монодискурсы, силой вытесняющие инаковость (военный коммунизм, национал-социализм). Поэтому структура дискурса противоречива: в нём есть индивидуализированные акторы - авторы, основатели - и есть анонимные передаточные звенья.

Дискурсивная стратегия так же, как и социокультурная феноменология, позволяет универсализировать субъективный мир и представить его как объект научного изучения. Культура - это и производство, и продуцирующая сила, и конечный продукт производственных отношений. Её полное понимание если и возможно, то только как самоконструирующегося процесса, где значительное место занимает овеществление дискурсов, материализация речевых высказываний и волеизъявлений социальных групп. Этот процесс

походит на этапы институализации в социологии, однако не все дискурсы доходят до формализации. Допустим, новое религиозное движение может дойти до этапа институализации, а Интернет-форум по организации флешмоб - остаться на уровне социальных практик.

Синергетика. Культура и социум в дискурсе синергетики представляются как открытые, нелинейные и неравновесные (со множеством аттракторов), сложные и поликаузальные, кооперативные и коэволюционирующие, самоподдерживающиеся и самоорганизующиеся, эвристичные и креативные системы.

С помощью синергетической эпистемологии социокультурный мир может быть описан как «хаосмос», особая среда, осциллирующая между космосом и хаосом, смыслом и абсурдом, созидаящая смыслы и их деконструирующая. Каждое социокультурное действие построено на положительной обратной связи (вызов - реакция) с обществом и культурой (диалогизм). Но лишь согласованность взаимодействия частей в одном направлении приводит к образованию прегнантной (самопорождающая, автопоэтическая) структуры.

Параметры смысла - это резонансы малых групп, которые могут стать аттракторами новых уровней развития системы и приводить к спонтанной перестройке системы и возникновению нового порядка. Аттрактор - небольшое количество ведущих элементов, задающих степень свободы системы, вокруг которых организуются остальные. Они подобны вихревым образованиям, определяющим траекторию развития среды вокруг себя. В общественной жизни аттракторами системы могут становиться харизматические лидеры, ключевые тексты, вехи истории, являющиеся своеобразным зовом будущего (забастовка, революция, война, голод, изобретение радио, ТВ, полёт в космос и т.п.).

Рассмотренные характеристики позволяют говорить о синергетике как об одной из неклассических парадигм, развивающей тему нестабильности, нелинейности процессов.

Синергетическая парадигма сделала шаг к глобальному эволюционизму, где будущее связано с известными причинами, но не зависит только от них. Дальнейшее отдаление от детерминизма свойственно не только синергетике, где будущее определяется множеством причин, действующих методично в одном направлении, но и феноменологии, где будущее открыто для конкретизации различных интенциональностей; а также дискурсивному анализу, где серийные и анонимные высказывания откладываются в социальные слои, и культура, таким образом, есть результат свободного конструирования. Поэтому можно говорить об обеих стратегиях как об антиуниверсалистской программе неклассической науки, которая представляет культуру как множество уникальных событий, которые лишь в сознании концептуализируются в сущности.

Это также и антиобъективистские программы. Синергетика и феноменология культуры не полагают, что имеет место независимая от субъекта реальность. Синергетика приходит к такому выводу на основании случайности и модальности протекания процессов (заметим, что квантовая физика также пришла к такому выводу: наблюдая, мы меняем реальность); феноменология культуры может лишь повторить этот тезис: высказываясь, оценивая, мы меняем реальность.

Второе, что объединяет обе стратегии, - процессуализм (интеракционизм, конструктивизм), т.е. доминанта взаимодействия над субстанцией. Феноменология объясняет конституирование социокультурных систем на микроуровне (индивид) и макроуровне (интерсубъективные умельты), а синергетика прогнозирует динамику более сложных уровней порядка, однако в обеих стратегиях имеет место сетевой характер обменов.

В-третьих, на познавательном уровне аттракторы есть гештальты (смысловые кластеры, конфигурации) групп, задающие для них истину и смысл: «Здесь концепция личностного знания в том виде, как она представлена Поляни в структуре “коммитмента” - пленения аттрактором, целью, жадной идеального всеобщего, жадной, имеющей глубокие биологические корни в эволюционном процессе, а может быть, в самой большой истории Вселенной, имеет далеко не тривиальное, имеющее глубокий смысл пересечение с современными психотерапевтическими моделями» [2].

Через посредство гештальт-психологии синергетика и феноменология образуют психофизический изоморфизм. Неслучайно Г. Хакен назвал одну из частей новой теории о совместном действии феноменологической синергетикой. В свою очередь, гештальт-психологию иногда называют прикладной экзистенциальной феноменологией. Оба направления предложили нелинейное решение проблемы взаимоотношения тела и сознания: ни монизм, ни дуализм, а множественность метастабильных состояний [13].

Синергетическая эпистемология рассматривает любые идеи как возможные локусы самоорганизации (воронкообразные структуры). Какие бы нелепые и ложные ни были идеи, если они формируются в смысловой социокультурный кластер, то становятся новым коридором аттракторов. Таким образом, феноменология, теория гештальтов, синергетика - это эмерджентные стратегии описания социокультурных объектов; синергетика культуры и есть феноменология духа, или процесс самоорганизации и опредмечивания идеального в социуме.

Инструментальный реализм. Это американское направление, иначе именуемое экспериментальной феноменологией, которое отличает: 1) неудовлетворённость классическим рационализмом, представляющим научное познание как логические процедуры; 2) вместо классического объяснения используется процедура описания, снимается, таким образом, иерархичность причин, все горизонты дескрипции равноправны; 3) перцептивность рассматривается как фундаментальный опыт; 4) феноменологическая процедура - это захват внутреннего, внешнего горизонта восприятия феномена, выделение интенциональности как направленности сознания между этими слоями и перехода через вариативность к адекватно конституированному объекту и инвариантной структуре самого восприятия; 5) понятие «означающая интенция», которой отводится роль идентификации разнообразных слоёв восприятия объекта и перехода от аподиктичности восприятия

к большей адекватности; 6) открытость к взаимодействию с другими философскими течениями (прагматизм, аналитическая философия, структурализм, экзистенциализм, герменевтика); 7) интерес к инструментам как к посредникам получения нового знания (техника - активный культурный медиум); 8) установка на то, что историко-культурный контекст есть конституирующая среда знания (вещь погружена в контекст).

Г. Дрейфус, Дж. Роуз, П. Хилан, М. Хайм, Д. Айди и др. исходят из того, что различные техномедиумы опосредуют сегодня не только специальные научные объекты, но и повседневность [7]. В своих работах они обсуждают проблемы искусственного интеллекта, языка машины, моделирования мозга и человеческого понимания, опираясь при этом на понятия жизненного мира, ноэмы и ноэзиза, интенциональности, интересубъективности. Так, по отношению к искусственному интеллекту это означает, что не наличие души отличает человека от алгоритмического устройства, а особая телесная рецепция и культурная рефлексивность, убежденность же в существовании души - разновидность естественной установки. Примерами особой культурной телесности могут быть обучение игре на музыкальных инструментах, командным спортивным играм и другим сложным социокультурным трансляциям, в которых происходит «умелое совладание» (сравните с «живой телесностью» - *Leibhaftigkeit*) как способом данности воспринимаемого у Э. Гуссерля) [5, с. 42].

Другая особенность естественного интеллекта заключается в контекстном соотношении с культурным фоном, откуда и берутся значения. Каждый контекст имеет иной контекст, и так далее они уходят в начало начал культуры. Для машины же отсутствует история контекстного соотношения, она сводит их вместе, что означает распознавание, но не понимание [3].

Девиз инструментальных реалистов заключается в том, что «вещи имеют право голоса и должны быть услышаны», причём услышаны как гештальт, который включает в себя универсум культуры в качестве фона. Культура создаёт условия диалога с природой через технику: амперметр, гальванометр, камера Вильсона, спектрограф, ускоритель частиц и т.п. Исследователь не просто получает некие абстрактные значения, он «видит» электроны, «чувствует» силу тока, «слышит» альфа-частицы в треске счетчика Гейгера [11]. Техника выступает посредником в интерпретации книги природы, которая в жизненном мире учёного преобразуется из конкретно-чувственных данных в абстрактные модели. Задача феноменолога заключается не в том, чтобы раскрыть сущность физического мира, а в том, чтобы описать жизненную установку наблюдателя.

Если понимать феноменологию как науку восприятия вещей как они есть, то экспериментальные феноменологи концентрируются на социотехнических, социоинструменталистских практиках, где почётное место, несомненно, отведено институту науки и тому, как она функционирует в различных культурных средах. В частности, они анализируют особенность современной науки как «технэ», её орудийную власть. Это также принципиально региональная феноменология, обращённая, прежде всего, на опыт слушания и слышания, визуальной рефлексии и перцепции, опосредованных медиаторами культуры.

Д. Айди полагает, что конкретизации феноменологии как перцептивной экспериментальной практики отвечают лучше всего интенции Э. Гуссерля в силу того, что восприятие подчиняет себе иные формы опыта; оно происходит на фоне культурного опыта (естественной установки), который может выделять тот или иной аспект образа [12, р. 75]. Второе положение близко феноменологии Р. Ингардена, у которого бытийность вещи многослойна, а аспектирование того или иного профиля образа онтологически называется конкретизацией.

Таким образом, феноменология способствовала зарождению и упрочению некоторых неклассических форм социокультурного описания (синергетика, инструментальный реализм), которые обладают большей объективностью и всесторонностью, т.к. чужды схематизма, историцизма, психологизма - главных объектов критики Э. Гуссерля. Несколько в стороне от феноменологии стоит дискурсивный анализ, который с ней связан лишь опосредованно, через социальную феноменологию (А. Шюц, Т. Лукман). В двух методологиях социокультурные объекты многозначны, динамичны и активны, их роднит стремление к беспредпосылочному познанию мира, радикальное очищение предмета познания от многочисленных наслоений, различение общественных процессов и модусов их восприятия - мифологических, религиозных, философских, научных, политических и пр.

Сопоставление феноменологии с изоморфными стратегиями социокультурного описания (дискурсивный анализ, синергетика, инструментальный реализм) позволяет выработать стратегический консенсус гуманитарных наук в области стандартов объективного гуманитарного описания. В современном *описании* социокультурных объектов должны присутствовать не только объективность, всесторонность и полнота классической диалектики. Необходимо дополнить эти характеристики также такими параметрами, как процессуализм, конструктивизм, антиобъективизм (наблюдая, мы меняем реальность), нелинейность. Это позволяет нам выйти на уровень рекомендаций: 1) не рассматривать синтетические априорные суждения как научные; 2) следует избегать догматического влияния религии на науку (в последнее время отечественная гуманитарная наука находится под слишком большим влиянием веры); 3) гуманитарное знание следует деидеологизировать, т.е. «национальная идея» не может быть предметом развития науки; 4) необходимо решительно отвести конспирологию как разновидность ненаучной публицистики.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/arshinov/glava1.html (дата обращения: 21.10.2010).

3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М.: Прогресс, 1978. 334 с.
4. Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy.ru/iphras/mamchur.htm (дата обращения: 25.11.2010).
5. Мотрошилова Н. В. Идеи Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. 720 с.
6. Неретина С. С. Автор и дискурс [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/neret1.htm (дата обращения: 25.11.2010).
7. Столярова О. Е. Инструментальный реализм Д. Айди [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/i_ph_5.html#stolyrova (дата обращения: 10.12.2010).
8. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
9. Фуко М. Дискурсия и человеческое бытие [Электронный ресурс] // Фуко М. Слова и вещи. URL: www.philosophy.ru/library/foucault/01/10.html (дата обращения: 12.11.2010).
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
11. Heelan P. A. Towards a Hermeneutics of Natural Science // The Journal of the British Society for Phenomenology. 1972. Vol. 3. P. 252-285.
12. Ihde D. Postphenomenology: Essays in the Postmodern Context. Northwestern University Press, 1993.
13. Stadler M. A., Kruse P. Gestalt Theory and Synergetics: from Psychophysical Isomorphism to Holistic Emergentism // Philosophical Psychology. 1994. № 7 (2). P. 211-226.
14. Townshend J. Discourse Theory and Political Analysis: a New Paradigm from the Essex School? // The British Journal of Politics and International Relations. 2003. Vol. 5 (1). P. 129-142.

PHENOMENOLOGY AND ISOMORPHIC STRATEGIES OF NON-CLASSICAL SOCIAL-CULTURAL DESCRIPTION

Elena Andreevna Timoshchuk, Ph. D. in Philosophy

Department of Public Relations

Nizhni Novgorod State Linguistic University (Branch) in Vladimir
e@timos.elcom.ru

The author compares phenomenology with the isomorphic strategies of social-cultural description (discursive analysis, synergetics, instrumental realism) for working out the strategic consensus of social sciences in the sphere of the standards of objective classical description.

Key words and phrases: culture phenomenology; discursive analysis; culture synergetics; instrumental realism; methodological isomorphism; social constructivism.

УДК 902.01; 903.25

В статье представлены результаты типолого-морфологического анализа металлических украшений эпохи поздней бронзы, определяющего специфику формирования и существования культурно-исторических процессов на территории Кузнецкой котловины. Выделение андронидных и карасукских черт украшений в составе погребального инвентаря подтверждает локальную особенность развития древних обществ на этой территории.

Ключевые слова и фразы: эпоха поздней бронзы; Западная Сибирь; Кузнецкая котловина; локальные варианты; культурно-исторические процессы; погребальный обряд; украшения; морфологический анализ.

Ольга Вячеславовна Умеренкова

Кузбасская лаборатория археологии СО РАН

Кемеровский государственный университет

klae@kemsu.ru

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА УКРАШЕНИЙ)[©]

Изучение культурно-исторических взаимодействий, происходивших в древности на территории Кузнецкой котловины, представляет собой сложный и в то же время уникальный процесс. Важным обстоятельством в развитии этих явлений выступают географическое положение и ландшафтное своеобразие региона, расположенного на северной периферии Саяно-Алтая в междуречье Оби и ее правого притока р. Томи. Территория, окруженная горами Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, являлась в определенном смысле автономной. В связи с тем, что в горной экосистеме Южной Сибири представлены практически все условия для развития и существования различных форм присваивающей и производящей экономики, эта территория в эпоху поздней бронзы являлась зоной активного взаимодействия разных историко-